

ЭДЕЛЬМАН Д. И.

К ПЕРСПЕКТИВАМ РЕКОНСТРУКЦИИ ОБЩЕИРАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

Изучение истории иранских языков сопряжено, как известно, с рядом трудностей, связанных с отсутствием письменной фиксации материала предшествующих эпох для подавляющего большинства живых и вымерших иранских языков. Поэтому в обычной практике исторических исследований за уровень отсчета принимается общеиранский праязык. В традиции классической иранистики праязыковым считается наиболее архаичный уровень, устанавливаемый путем сравнения двух древних зафиксированных языков — древнеперсидского и авестийского. Однако относительно небольшой корпус текстов и жанровая ограниченность памятников обоих давно вынуждают исследователей при этимологических изысканиях, в описании общеиранской фонологической системы (а в ряде случаев и фрагментов морфологических парадигм) обращаться к другим источникам — прежде всего, к древнеиндийскому, а иногда и далее — к другим индоевропейским языкам — вплоть до показаний общеиндоевропейской реконструкции.

Вместе с тем исследования последних десятилетий, посвященные истории многих иранских языков, убедительно показали, что в более «новых» языках, включая живые, отмечаются явления, отражающие подчас элементы более архаичного общеиранского состояния, чем реконструированное по данным авестийского и древнеперсидского. Этот факт нашел выражение как в конкретных этимологиях, где лексема-прототип восстанавливается в более архаичном виде, чем это ожидалось по модели «классического» праязыка (см., например, многие этимологии в [1—4]), так и в уточнении некоторых общих характеристик прасистемы.

В настоящее время в связи с развитием сравнительно-исторических штудий практически всех известных иранских языков (такую цель преследуют, в частности, «Основы иранского языкознания», публикуемые Институтом языкознания АН СССР) и начатым обобщением истории крупных генетических групп («ветвей») иранской языковой семьи, вопрос об уточнении фонологической (и морфологической) структуры и лексического состава общеиранского состояния становится особенно существенным. Вследствие этого большой вес приобретают и вопросы хронологической и ареальной стратификации общеиранского праязыка, относительной хронологии и диалектной соотнесенности ряда праязыковых процессов, происходивших в период от вычленения общеиранского из общеарийского до «распада» его на конкретные языки. Изучение этих вопросов требует применения целой совокупности приемов. Если наиболее позднее праязыковое состояние уточняется (и приобретает значительно более архаичный характер) сравнительно-историческим исследованием целого ряда новых иранских языков, то наиболее раннее в большей степени требует приемов внутренней реконструкции и, что существенно для языковой семьи, входящей в «большую семью», — приемов «обратной» реконструкции, позволяющих установить элементы «промежуточных» этапов между поздним общеиранским (и конкретными иранскими языками), с одной стороны, и более ранними системами (общеарийской и индоевропейской), с другой. При этом во многих случаях именно общеарийские и индоевропейские данные позволяют четче определить хронологическую

и ареальную отнесенность ряда фактов в истории иранских языков. Остановимся на некоторых из них.

Как известно, основными признаками, отделяющими общеиранское состояние (в его традиционном понимании) от общearийского, считаются: 1) отражение звонких придыхательных **bh*, **dh*, **gh*, как и непридыхательных **b*, **d*, **g*, в виде **b*, **d*, **g*; 2) отражение глухих придыхательных **ph*, **th*, **kh* в виде щелевых **f*, **θ*, **x* (кроме позиций после **s* и перед сонорными после носовых, где они отражаются как смычные простые: **p*, **t*, **k*); 3) спирализация глухих непридыхательных **p*, **t*, **k* (> **f*, **θ*, **x*) перед согласными и неслоговыми вариантами сонантов; 4) отражение арийских **č* (< и.-е. **k̑*) в виде **s* (авест. *s*, др.-перс. *θ*); **j*, **jh* (< и.-е. **ĝ*, **ĝh*) в виде **z* (авест. *z*, др.-перс. *d*); 5) переход арийского **s* в **h*, кроме случаев его предшествования глухим смычным (включая придыхательные), **č*, **n* или следования за **t*, **d*, **n*, когда сохраняется **s*, а также следования его за **p*, когда изменяется группа **ps* > **fs* (подробнее см. [5, с. 5 и сл.], общая сводка: [6, с. 29 и сл.]).

При этом уже в классических трудах отмечалось, что данные (как и общearийские) инновации находятся во взаимной связи и определенной относительно-хронологической последовательности (см., например, [7, с. 86—88]); особенно существенным для нас в этом плане является положение Э. Бенвениста о наличии в раннем общеиранском единой фонемы **/s/* в виде двух аллофонов **[s]* и **[h]*, о связи процесса фонологизации **h* с переходом **š* > *s* [8] и др. Предпринимались также попытки установить относительную хронологию изменения сибилантного ряда в древнеиранский период (см., например, [9], там же обзор литературы), однако они базировались на древнеперсидских и авестийских материалах, без системного привлечения данных других языков, и потому дают ограниченную картину. Обращение же к ряду иранских языков, живых и вымерших, при учете общearийских и индоевропейских данных позволяет уточнить относительную хронологию становления указанных инноваций и их возможную ареальную отнесенность, а также выявить ряд отклонений, существенных для истории иранских языков.

Так, инновация 1), разделяемая иранскими языками с нуристанскими («кафирскими»), имеет определенные отклонения, объясняемые только при обращении к общearийскому уровню: в иранских языках отмечены случаи отражения общearийских звонких придыхательных, а иногда и звонких непридыхательных (об их чередовании см. [5, с. 20], с учетом ларингальной теории [10]) в виде глухих щелевых. Такой тип отражения в одних случаях был, очевидно, ранним и охватывал большинство диалектов праязыка (ср. авест. *vaf-*, перс. *bāf-*, осет., язг. *waf-*, шугн., руш., барт. *wāf-*, мдж., сар., ягн. *wof-* и т. д., но афг. *uyi-* < **waw-* < **wab-*; ср. др.-инд. *wabh-*, ар. **wabh-* < и.-е. **uebh-* «ткать, плести, вязать»), в других, возможно, более поздним, охватывающим меньшую зону (ср. тадж. диал. *evar*, ягн. *sewir*, осет. *t̃w/t̃ew*, ишк. *sew* и т. п., но афг. *lewar* «деверь» < **daiuar-* < и.-е. **dāiūer-*, Gen. *daiueres*) или единичные диалекты (ср. осет. *ærfyg/ærfug* «бровь», но перс. *abru*, мдж. *vriḡ/ya*, авест. *brvat-* и т. д. < **(a)-brū-(ka)-* < и.-е. **bhrū-*). Этот процесс, детально рассмотренный В. И. Абаевым [3, II, с. 149, 406; III, с. 297 и др.] и объясненный им через раннее оглушение придыхательных (типа **bh* > **ph* > **f*), обеспечившее звучание прототипов в виде **uaf-*, **θ aiuar-*, **(a)frū-*, отличен от обычного развития звонких и не мог бы быть истолкован без обращения к предыстории иранских языков.

Принятие его как системного явления, хотя и сохранившегося sporadически в виде отдельных «сбоев» в некоторых лексемах, помогает уточнить некоторые этимологии в ряде иранских языков. Так, шугн. *reθ-* : *reθt*, руш. *rīθ-* : *rīθt*, язг. *riθ-* : *rast* «тереть; гладить, мазать; растирать», орш. *rariθ-* «смазывать» можно возвести через иран. корень **raid/θ-* к ар. **sraidh-* и и.-е. **slei-dh* «скользящий, скользить» от корня **lei-*, **slei-*

«скользящий, слизистый; скользить» [11, с. 662—663] (сюда же можно отнести и авест. *raēθwa-* «смешивать(ся); мешанина»), а не к **lei-f* [4, с. 69], не имевшему надежных соответствий и не объяснявшему язг. *rast*. Возможно, так же возникает *-θ* в шугн. *yēθ*, барт. *yōθ*, сар. *yōθ*, язг. *yaθ*, вах. *yōθt* (в отличие от «правильного» *yost*), мдж. *yeṣika*, *yeṣ* (*ṣ* < **θ*) «гнездо», если возводить его к **hāθ-ya* от корня **had/θ-*, и.-е. **sed-* (а не к менее вероятному фонетически **ā-hδy-* < **ā-hadya-* [4, с. 106], ср. рефлекс **dī* в этих языках в виде *δ*, *l*); *-f* в шугн. *pidrūf-* «складывать в кучу» < **pati-rauf(-aya)-* от корня **raub/f-* «мести, сгребать», ср. шугн. *rūb-*, тадж. *rūb-* и т. п.

Более детального рассмотрения требует и инновация 2). Очевидно, признаки аспирации глухих и интенсивности смычки не были одинаково существенными и ярко выраженными в разных диалектах (или регионах) общеарийского¹. Отсутствие перехода типа **ph* > **f* в общеиранском в позиции после **s* и перед сонорными после носовых (т. е. ар. **sph* > иран. **sp*, вм. **hf*) указывает, что в праиранских диалектах арийского аспирация была настолько слабой, что предшествующие **s* и носовые (при соседстве сонорных), забирающие обычно часть воздушной струи, сводили ее практически к нулю, обеспечивая фонетическую реализацию сочетаний типа **/sph/* в виде **[sp]*, которая, естественно, продолжилась в общеиранском группой **/sp/* на фонологическом уровне.

Слабость аспирации и интенсивность смычки, по-видимому, обусловили также перебои в отражении **ph*, **th*, **kh* щелевыми и смычными в других позициях. Такие перебои наблюдались и в языках древних памятников и объяснялись, начиная с Хр. Бартоломе, парадигматическим уподоблением [5, с. 8—9; 16, с. 39—40, 42—43; 17, с. 29—30, 36; 18, с. 154—155]. Сходные перебои отмечаются и в живых иранских языках, притом иногда в позициях, где трудно признать действие парадигматической аналогии. Например, авест. *kaofa-* «гора; горб животного», др.-перс. *kaufa-* (> перс. *kuh*), мдж. *kīfa* и т. п. (*f* < **ph*), но афг. *kup* «сгорбившийся», *kubay* «горбатый (о животном)», вах. *kār* «горб», язг. *kār*, вандж. *kup/b* «камень; гора» < и.-е. **keu-p* [11, с. 591]. Особенно характерна позиция начала слова: мдж. *xaf*, ишк. *xāf*, вах. *xuf*, язг. *xuf-k*, сак. *khavā* «пена, слизь», осет. *xæf* «гной», ягн. *xofa* «слюна», шугн., руш., барт. *šāf* «слюна» (*š* < **x*, при шугн. *xīf*, руш. *xof*, барт. *xōf*, сар. *xef* «пена» с отсутствием перехода **x* > *š*, не объяснимым для древнего **x*), но перс. *kāf* «пена», тадж. *kāfk*, авест. *kafa-* < **karpha-*, ср. др.-инд. *karpha-* [2, II, с. 50, 265]; шугн. *šēb-*, руш. *šer-*, язг. *s(ə)-xap-* «лопать, жрать» < **us-xāp-aya-*, корень **xap-* < **kap-*; осет. *tynzyn* «растягивать; расстилать», классич. перс. *āhanjīdan*, авест. корень *θang-* «натягивать» из иран. основы **θanǰ-* и корня **θang-* < **tang-* < и.-е. **tengh-* [3, III, с. 337—338] (можно добавить шугн. *pardenc-* «натягивать кожу на дойру») и многие другие (см. также [19]).

Если отражение **ph* > *p* в отдельных языках объяснимо отсутствием в них губно-зубного ряда (например, в афганских и белуджских диалектах), то переходы **p* > *f*, **k* > *x* (и **ph* > *p* в регионах развитого губно-зубного ряда) свидетельствуют все-таки о слабости признака аспирации глухих в доиранскую эпоху, особенно в ареале восточноиранских диалектов, что обеспечивало в части из них свободное варьирование типа **p/ph*, трансформировавшееся уже в иранское время в варьирование **p/f*, захватившее и неаспирированные (особенно в экспрессивной лексике).

¹ Мы исходим здесь из классической схемы и.-е. консонантизма с трактовкой серии глухих придыхательных как инновационной [12, с. 116—117], не касаясь более раннего и.-е. состояния с разными типами глоттализации [13]. Отсутствие следов аспирации глухих в нуристанских языках [14, с. 6; 15, с. 23] связано либо с ее слабостью в этом регионе (ее рефлексy отсутствуют и у звонких), либо с тем, что серия глухих аспирированных здесь не фонологизовалась.

Ограничения инновации 3) носят еще более отчетливый характер. Исключения отмечены уже в авестийском [5, с. 7; 18, с. 147]. Многие восточно-иранские языки (живые и вымершие) выявляют следы сохранения глухих смычных в этой позиции — в виде либо продолжения комплекса с начальным смычным, либо его рефлексов, наследующих элемент смычки и не предполагающих промежуточного этапа спирантизации первого смычного. Например, пугн., руш. *pus*, язг. *pos*, осет. *fyr̥t*, вах. *pətr* «сын» < **putra-*, ср. др.-инд. *putrá-*, при йд. *pūr̥, pūl̥*, сак. *pūrā* и т. п. < **puθra-*, ср. авест. *puθra-*; пугн., руш., барт. *cif-*, сар., язг. *caf-*, ишк. *tərbf-*, мдж. *təraf-* «красть» < **trəfya-*, ср. авест. *trəfya-*, др.-инд. корень **tr̥p-*; осет. *ærtæ*, вах. *truɣ*, язг. *ciɣ* «три» < **trai-*, ср. др.-инд. *trāya-*, но пугн. *aray*, ишк. *rū(y)*, ягн. *tiray, si/aray*, мдж. *širay* < **θrai-*, ср. авест. *θrāya-* [20, с. 14] (при озвончении **t-*, возможно, по аналогии к **dya-* «два»: сак. *drai, draya*, согд. **δry*, афг. *dre* «три»); вах. *səkr* «красный» < **sukra-*, но перс. *sorx*, авест. *suzra* < **suzra*, ср. др.-инд. *śukra-* и т. д.

Перебои отмечаются даже в близкородственных языках и диалектах (руш. *ber* «серп» < **dāθri-*, но барт., ор. *δбс*, язг. *bac* < **dātri-*, ср. др.-инд. *dātra-*) или в одном языке в словах, продолжающих единый корень (пугн., барт. *yōс*, руш. *yūс*, сар. *yuc*, язг. *yec* «огонь» < **ātr-*, ср. авест. *ātr-, ātar-*, но пугн. *θir*, руш., барт. *aθer*, хуф. *aθær*, сар. *θer* «зола, пепел» < **aθarya-* < **aθrya-* < **ātrya-*, ср. авест. *ātrya-*), подробнее [21, с. 299].

Все это свидетельствует о том, что инновация 3) появилась относительно поздно и охватила не все диалекты общеиранского [22, с. 84; 23; 6, с. 34]. В восточном ареале спирантизация предконсонантных глухих появилась и развивалась, по-видимому, уже в обособившихся языках, при этом длительное время была нестойкой и допускала колебания (усиливаемые как варьированием типа **p/f*, о котором говорилось выше, так и воздействием морфологической парадигматики и перестройками по аналогии).

Признание этого факта делает возможными некоторые новые этимологические сопоставления. Например, комплекс лексем, связанных с приготовлением теста и хлеба: язг. *x°až-* : *x°ažt*, пугн. *xēž-* : *xēžt*, ор. *axiž-* : *axižt* «месить тесто», сар. *xož*, язг. *x°ažaj* «квашня, кадка для теста» (ср. пугн. *xēžt* «деревянное корыто»); пугн. *xōžč*, язг. *x°ižk'* «непропеченный (хлеб)» пугн. *xižс* «сдобная булка», сангл. *xēste/a* «лепешка», вах. *žec* «хлеб, еда», йд. *xisto* «тесто», афг. (ваз.) *xišt* «вымешанный», *xšap* «кусочек хлеба» и др. можно сопоставить не с авест. *hvaršta-* «хорошо сделанное» [2, II, с. 262; 4, с. 99], а с иранской, возможно, ареальной, лексемой **xça(t)s-* из ар. корня **kçath* + *s(ia)-*, аналогично сходным образованиям в других индоевропейских языках от и.-е. корня **kçat(h)-* «бродить, киснуть», ср. др.-болг. *kvasъ*, русск. *кваша, квашня; квасить, заквашивать* [11, с. 627; 24, с. 212] (при образовании в ряде иран. языков осн. наст. вр. по обычному типу деноминативных основ **xçā(t)s-a-ia* с последующим выравниванием основ и переносом -ž- из осн. прош. вр., аналогично ряду других глаголов с чередованием *s ~ ž* в основах, см. ниже). Ср. развитие корня **kçath-* со значением «варить, кипятить» в индоарийском ареале [25]. Аналогичное развитие **kç* наблюдается в язг. *pūx°* «сварил» < **pa-xça-* < **pa-kça-* от корня **pak-*, ср. др.-инд. *pakvā-* (при позднем наращении здесь -*t* в ряде других языков: пугн. *pēxt*, руш. *poxt*, барт. *pōxt*, сар. *pext* и т. п., ср. отражение здесь древнего **-k + t-* > -*yd-*: пугн., барт. *tūyd*, руш. *tuyd*, сар. *tuyd* «ушел» < **takta-* от корня **tak-*). С другой стороны, характерны и случаи сохранения смычных в сходных позициях, ср. пугн., руш. *kirānd-* : *kirūst* «скоблить, скрести» < **kra-n-d-* : **krad-ta-* от корня **krad-* < и.-е. *(*s*)*ker-d-* [11, с. 940—941].

Неодновременной, причем с иным диалектным охватом и более зримыми фонологическими результатами, была инновация 4) — закрепление рефлексов индоевропейских палатальных в виде **s, *z* в иранских языках. Уже факт отражения палатальных древнеперсидскими *θ, d*, при от-

существовании аналогичных рефлексов у общеиранских *s, *z иного происхождения, указывает на то, что к моменту отделения юго-западных диалектов рефлексы палатальных не совпали еще с *s, *z (по мнению Дж. Виндфура, они различались и к моменту создания авестийского письма [26]). Относительно позднее их совпадение подтверждается данными других иранских языков.

Как известно, индоевропейские палатальные *k̑, *g̑, *g̑h отразились в общеарийском в виде палатальных аффрикат, при возможной спирализации глухой в части диалектов, — *č/s̑, *j̑, *j̑h [5, с. 5; 16, с. 45; 17, с. 28—29; 27; 28; 29; 30, с. 14]. Аффрикатная ступень их развития подтверждается не только типологией обычного протекания палатализации в этом регионе, но и отражением их продвинутыми вперед аффрикатами c, ȝ (> z) в нуристанских языках [31, с. 228; 32, с. 338, 342; 14, с. 7; 15, с. 23] и прототипами в виде *č̑, *š̑ в заимствованиях из арийского в финно-угорские языки [33—36]². После отделения прануристанского глухой полностью спирализуется (> *š̑), звонкие дольше сохраняют аффрикатность, что обеспечивает их последующее слияние в древнеиндийском с *j̑, *j̑h, возникшими из индоевропейских *g, *g^w, *gh, *g^wh при «второй палатализации»³.

В общеиранском рефлексом *č̑/s̑ вначале был *š̑, который лишь впоследствии, после фонологизации *h из *s в свободной позиции, сдвигается на освободившееся место *s (при раннем переходе *š̑ > *s процесс *s > *h захватил бы и рефлекс *š̑). Данный «сдвиг» не был одновременным и всеобщим. Кроме древнеперсидского, где *š̑ > θ, об этом свидетельствуют и продолжения других «окраинных» диалектов. Совпадение в осетинском рефлексов *š̑ и *š̑ (возможно, раннее) может указывать на «шипящий» характер *š̑ в эту эпоху (совпадение с ними рефлексов ар. *s в виде иран. *s может быть поздним и объясняться их статистической незначительностью и позиционной закрепленностью). Свидетельством шипящей артикуляции *š̑ в другом ареале является отражение группы *š̑u > š̑ в ваханском и сакском, в отличие от *sp (при совпадении *š̑u с *sp в большинстве других иранских языков, кроме древнеперсидского, где *š̑u > s): вах. *yaš*, сак. *ašša*- «лошадь» ~ авест. *aspa*, др.-перс. *asa*-, осет. *jæfs* и т. п. < *aš̑a-, ср. др.-инд. *aśva*- < и.-е. *ek̑wo [2, II, с. 469]. О том же может говорить переход *š̑r > š̑ (> š̑ > š̑) в большинстве языков: тадж. *šinav*-, гил. *šənav*-, шугн. *šin*-, руш., барт. *šan*-, язг. *šan*- и т. д. «слышать» < *š̑runau-, ср. авест. *sr̥nav*-, др.-инд. *śrunau*- < и.-е. *k̑l-n-eu-, *k̑l-eu- (при отражении ар. *sr > *hr > r). Признание этого дает возможность предложить новые этимологии для слов, содержащих данные шипящие, см., например, шугн. *šed*, руш. *šayd*, барт. *šid*, язг. *šayd* «каменная плита; плоская скала» (возможно, также ишк. *šax* «скала»), которые можно возвести к композиту *aš̑-rikta (*aš̑- < *ak̑- «камень» и причастие от корня *raik «удалять(ся); оставлять»), букв. «камень-отколовшийся» (ср. шугн. *red*, руш. *rayd*, барт. *rid*, язг. *rayd* «остался, отстал» < *rikta-, язг. *rayd* «стена» < «оставленное; насыпанное», ср. тадж. *restan* «сыпаться»; к отражению *k + t > язг. *γd*: ср. *waγd* «поместился» < *nik-ta- от корня *kaik-) [ср. 4, с. 101].

Звонкий *j̑, очевидно, дольше сохранял аффрикатность и в общеиранском, что облегчило его переход в древнеперсидский *d* [28; 30, с. 14]; в дальнейшем в других языках он развивался параллельно глухому: *z в свободной позиции и шипящий при контактах с сонорными в боль-

² Тем самым мнение Г. Моргенштерне о развитии палатальных путем и.-е. *k̑ > ар. *t' > иран. *θ' не находит ни типологического, ни фактического подтверждения.

³ Рефлексы форм, продолжающих единый корень с палатализацией и без нее, наблюдаются в разных иранских языках, ср. шугн. *šəp*- «щупать», *šəpəp*- «разузнавать» < «нащупывать» < *(šra)-čap-aya-, перс. *časp*- «прилепиться» < *čap-s-, язг. *ənšəp*- «собирать» < *ham-čap- от корня *čap- < и.-е. *kep-, но шугн. *ənšəp*-, руш., барт. *inšəp*- «хватать» < *ham-kap-a-, шугн. *šib* (< *kap-a-), язг. *kəb* (< *kāpa- či-) [ср. 20, с. 80] от корня *kap- < и.-е. *kap-, kop-.

шинстве языков (ср. и.-е. **gleios-* > др.-инд. *jrāyas-*, авест. *zrayah-*, др.-перс. *draya-*, перс. *dāryā* «море; большая река» ~ язг. *ṛāy* «озеро, пруд», ор. *ṛōy* название озера, барт. *ṛōy* «влажный», вах. *ṛuy* [4, с. 38], где *ṛ* < *ž* < **žr*; авест. *žnū-* «колено» < **žnū-* < и.-е. **gneu-*, но перс. *zānu*, шугн. *zūn*, язг. *zən* и т. д. < **žānu-*, ср. др.-инд. *jānu-* < и.-е. **genu-*).

Ранний переход рефлексов палатальных (глухого еще в общеарийском) перед глухим смычным в **š* обусловил для ряда иранских языков определенный тип чередования согласных в глагольных основах наст. ~ прош. времени (последняя — из причастий на **-ta*): *-s* (< **š*) ~ *š*, *ṣ*, *ṣ̌* (< **š*) и *z* (< **j*, **jh*) ~ *š*, *ṣ*, *ṣ̌* (< **š*), ср. шугн. *čis-* : *čišt*, язг. *kas-* : *kāšt* «смотреть» из и.-е. корня **k^hek-*; шугн. *wāz-* : *wišt*, язг. *waz-* : *wešt* «плавать, купаться» < и.-е. **uegh-* (с переходом иногда *ṣ̌*, *ṣ̌̇* в основу наст. вр., ср. шугн., руш. *nikāš-* : *nikāšt* «пристально смотреть, сверлить взглядом» от корня **k^hek-*, ср. шугн. *pargaš-* : *pargušt* «сверлить» из **pari-* и корня *kauš-* < и.-е. **(s)keu-s*). Впоследствии эти чередования распространились и на другие сходные основы (см. выше).

Такие закономерности позволяют более уверенно сопоставить язг. *ṛay-* : *ṛad* «звать, кричать» и мдж. *žoy-* : *št* «говорить, петь» с авест. *zbaya-* < иран. **žayaia-* (ср. др.-инд. *hvāya-*) из и.-е. корня **ghau-* «звать, кричать». Отнесение сюда согд. *ž'y-*, ягн. *žoy-* (и вах. *joy-*) «читать, учиться» также возможно, но требует дополнительной аргументации (возведение этих глаголов к иран. **jat-* < и.-е. **gwet-* [37] труднодоказуемо фонетически).

Наконец, в уточнении нуждается формулировка инновации 5). Ослабление **s* > *h* (имеющее аналогии и в других языках, как индоевропейских [7, с. 86—88], так и иных семей) не затронуло **s* в позициях, консервирующих его артикуляцию: глухость и интенсивность последующих **p*, **t*, **k*, **č*, **ph*, **th*, **kh* не допускали его озвончения и ослабления, а дентальность предшествующих **t*, **d*, **n* поддерживала его дентальный характер. В итоге в раннем общеиранском фонема **/s/* была представлена двумя звукотипами — **[s]*, **[h]*, бывшими в отношениях дополнительной дистрибуции. Такая фонетическая презентация характеризует только **/s/* из арийского **/s/* и не затрагивает позднего **s* (< **š* < **k̑*), не переходившего в **h*, что свидетельствует о предшествовании фонологизации **h* переходу **š* > *s* [8].

Особого внимания заслуживают рефлексy арийского **s* перед сонорными. Как известно, перед **ṣ̌* происходило ослабление его дентального фокуса и усиление лабиального и гуттурального (о связи лабиализации с гуттуральностью см. [38, с. 258—259, 265—266]), благодаря чему почти по всему ареалу общеиранского распространилось отражение **ṣ̌* > **x^w* (кроме, возможно, отдельных северо-западных диалектов, подробнее см. [39]). Однако наряду с этим отмечаются и примеры перехода и.-е. **ṣ̌* > ар. **kšū* > иран. **xšū* [5, с. 36] (ср. и.-е. **suēid-* «молоко» > др.-инд. *kšvidyati*, авест. *xšvīd-*). Аналогичный переход наблюдается в единичных случаях позднее и перед гласным (ср. осет. *xsyrj* «серп» [40]). Это позволяет предположить, что колебания количественного типа в огласовках в диалектах индоевропейского, из которых развились арийские языки, могли породить различно огласованные варианты уже известных слов, при которых можно ожидать и иного отражения согласных. Так, признав возможность чередования слогового и неслогового вариантов **ṣ̌* непосредственно после **s-* в и.-е. **sū-ro-*, **sou-ro-* «соленый, горький, острый, кислый», мы получим иранский прототип **xš(ṣ̌)ūra-*, из которого развились (с возможными последующими заимствованиями из одного языка в другой) перс. *šur*, тадж. *šūr* «соленый; солончаковый», перс. *šure*, тадж. *šūra* «солончаковый; корка на солончаке», язг. *šar* «поваренная соль», ишк. *šur*, тал. *sū* «соленый» и т. п. (при возможной контаминации с иранским словом, соответствующим др.-инд. *uṣara-* «соленый»).

Следует оговорить, что не всегда *s- перед сонорным дает *š-. Этот переход, характерный для авестийского [18, с. 158—159], разделяется далеко не всеми иранскими языками. В ряде языков наблюдается сохранение или озвончение *s перед *n, например, шугн., барт. *zinōd*, руш. *zinūd*, сар. *z(y)nud*, язг. *z(ə)ned* «вымыл» < **snāta*-, осет. *af-snajyn* «убирать», авест. корень *snā*- из иран. корня **snā*-, при перс. *šenā* «плавание», осет. *xsyn* «мыть» < **šsnā*- [41].

В начале слова перед гласным также не всегда следует искать в прототипе *h-: поскольку в восточноиранских языках начальный *h- должен был либо отпасть, либо «отвердеть» (ср. переход *h- > x в ряде слов, как и в западноиранских), в некоторых случаях в глагольной лексике происходила, по-видимому, вторичная редупликация основ наст. времени или перестройка их по типу редулицированных, где начальный *h- естественно заменялся на *š-⁴, переходивший и в основы прош. времени, становясь как бы корневым. Ср., например, шугн. *aṣṣān*- «покрывать, укрывать» < **ā-(hi)ši-na*- от иран. корня **hai*- (с поздней перегласовкой, ср. язг. *awān* «подол» от того же корня), шугн. *biṣis-biṣēd* (ср. руш. *buways*-, сар. *b(y)lis*-) «распухать; наливаться» < **api-(hi)šik-sa*- от корня **haik*- (ср. [4, с. 19]).

Наконец, пристального внимания заслуживает и отражение *s- перед глухими смычными. При его закономерном сохранении в общеиранском, наблюдаются случаи перехода его в š, ṣ, ṣ̣ в разных языках, при этом он может охватывать разные ареалы, ср., например, шугн. *ṣitērz*, руш. *ṣiterz*, барт. *ṣitōrz*, сар. *ṣy/iturj*, язг. *ṣ(ə)tarag* [20, с. 42; 4, с. 103], но ишк. *strūk*, вах. *sətor*, афг. *stōrəy*, перс. *setāre*, тадж. *sitora* и т. д. «звезда» < **stār*-(či-, -ka) < и.-е. *stēr*-; шугн. *ṣikar*-, сар. *ṣiker*-, язг. *ṣakər*- «искать; шарить, ворошить» [20, с. 37, ср. 4, с. 102], вах. *ṣkur(g)*-, ишк. *ṣkur*- «искать» при перс. *šekār*, тадж. *šikor* «охота» < **skar*- < и.-е. *(s)ker-.

Закономерности такого перехода нуждаются в дальнейшем изучении. В севернопамирских языках, например, обычно при следовании за группой *sC- рефлексов *i, *ī, *u, *ū и кратких корневых дифтонгов сохраняется s: шугн., руш., барт. *sitan*, сар. *sytan*, язг. *s(ə)tan* (ср. ишк. *stin*, вах. *istin*, афг. *stən*, перс. *sotun*, тадж. *sutun* и т. д.) «столб; колонна» < **stūna*-, *stunā*, ср. авест. *stūna*-, *stunā* < и.-е. **st(h)ū-na*- [20, с. 49; 4, с. 76]; шугн. *sitēw*-, сар. *s(y)zew*- (ср. вах. *stow*-, афг. *stayəl*, тадж. *situdan* и т. п.) «восхвалять» < **stau*- < и.-е. **steu*-; перед рефлексами *a, *ā и в определенных случаях *r, *r группа *sC- > *šC: шугн., руш. *ṣipal*- «блестеть» из **spal*- < и.-е. *(s)phel-; шугн. *ṣipirēz*-, руш. *ṣipiriz*-, язг. *ṣ(ə)pərə(n)j/ž*- «раскалывать вдоль, расщеплять» < **sprājaya*-, язг. < **-n-ja*- (ср. вах. *spərž*-) от корня **sprag*- < и.-е. **sp(h)reg*- или *(s)phlegh- от корня **sp(h)er*- [11, с. 996 сл.] или *(s)phel- [11, с. 985—987] с распространителем *-g(h); шугн., руш., барт. *ṣičaṣ*- «трескаться, лопаться» (ср. сар. *čaṣ*-, мдж. *kaf*-, перс. *kāṣ*-, *šekāṣ*-) < *(s)kap/f- < и.-е. *(s)kōp-, *(s)kāp- [11, с. 931]; язг. *ṣ(ə)kaw* «раздвигать войлок» из корня **skāu*- < и.-е. **skēu*-t и др. (Это явление позволяет отличить корневое *s- от префиксального в *us- < *ud-, не подверженного такому переходу.) Наблюдаются и перебои, связанные в одних случаях поздним изменением ступени огласовки, аналогией или фонетическим окружением (шугн. *wiṣ-kamb*-, руш. *ṣikamb*-, язг. *ṣamb*- «теребить, прибивать шерсть», ср. ишк. *uškymb*- и др. < **avi-sku-m-b*- от корня **skaub*- < и.-е. **skeubh*- [4, с. 94—95], где *s > *š после *i), в других, по-видимому, какими-то иными при-

⁴ Как известно, и.-е. *s > *š после рефлексов *i, *ə (> *i), *u, *r, *k, *k̂ еще в диалектах общесарийского, что можно объяснить развитием у *s второго фокуса — палатального после *i, *k̂ и веларного после *u, *k — с последующим слиянием *[š], *[s̄] в фонеми *s/, подробнее: [38, с. 260—261]. Сохранение *s после *u в нуристанских языках [31, с. 232; 32, с. 340; 15, с. 38] объясняется его первоначальным звучанием здесь в виде *[s°], а не *[s̄], с последующим вовлечением *[s°] в орбиту фонемы /s/ уже после фонологизации оппозиции */s/ ~ */š/.

чинами, установить которые можно лишь при сплошном обследовании иранских языков. Пока обращает на себя внимание лишь тот факт, что при исключениях в случаях употребления *ǰ*- вместо *s*- мы чаще находим в прототипе. **s-mobile*, чем обычный **s-*.

Таким образом, обращение к не-древним иранским языкам, с одной стороны, и к индоевропейским прототипам, с другой, позволяет в значительной мере уточнить ряд черт общеиранского состояния, в частности, выявить относительную хронологию и диалектную соотношенность тех фонологических инноваций, которые, по общему признанию, являются наиболее существенными для этого периода. При этом вырисовываются некоторые хронологические срезы праязыка, а также его диалектное членение (см. также [6, с. 33—34]).

Такая процедура позволяет уточнить и некоторые иные аспекты общеиранского состояния (и более поздних эпох). В частности, концепция Р. Готье [42], распространившего положение А. Мейе о фиксированном силовом удареии в древнеперсидском [43] на другие иранские языки, была пересмотрена по мере изучения различных иранских языков (в основном, живых). Оно показало, что по крайней мере в их части уже много времени спустя после распада праязыка сохранялось древнее разноместное ударение и что в его реализации далеко не всегда ведущую роль играл (и играет) силовой компонент [44—54].

Данная процедура дает возможность выявить и некоторые особенности развития семантики ряда слов, а также «пополнить» лексический фонд праязыка. Так, шугн., руш. *nōw*, барт. *naw*, сар. *nēw*, язг. *nēw* «деревянный желоб» (→ «узкое ущелье»), ягн. *nōw*, тадж. *nova*, вах. *nyw*, мдж. *nāwāyika*, ишк. *nōw* «желоб» при авест., др.-перс. *nāv-*, др.-инд. *nāv-* «лодка; корабль» [20, с. 55—56; 4, с. 50] < и.-е. *nāus-* «лодка» подразумевает, что семантический прототип «выдолбленный ствол дерева» (ср. ср.-в.-нем. *nuosch* «корыто») [11, с. 755], возможно, сохранял значение еще в общеиранском. В шугн. *wardāz-* «очищать абрикосы от косточек (выдавливанием)» и *widāz-* «очищать (орехи и пр.) от скорлупы» прослеживается корень **daug-*, как и в *dāz-* «доить» [4, с. 31, 88, 90—91], что позволяет выявить для **daug-*, рефлексy которого во многих иранских языках имеют значение «доить» (ср. руш. *dūz-*, сар. *dēwz-*, ишк. *deš-*, вах. *dic-*, мдж. *lūž-*, тадж. *dūš-* и т. д.), более раннюю семантику «сжимать; выдавливать» [4, с. 88] < и.-е. **dheugh-* «то же» [11, с. 271] (ср. язг. *səx-* «доить» < и.-е. **trenk-* «сдавливать» [20, с. 96] с аналогичным развитием семантики). Характерно семантическое отражение и.-е. **strē-* [11, с. 1022] в виде иран. **strā(i)-* со значениями «окоченелый; замерзнуть до одеревенения» ~ «оцепенелый», установить которые помогают живые иранские языки, ср. шугн. *ǰici-*; руш. *ǰicay-*, сар. *ǰысу-*, язг. *šay-* «замерзнуть, одеревенеть» < **stra-ia-*, от корня **strā*, при шугн., руш., барт. *ǰōj*, сар. *ǰūj* «страх» < **strā-ka-*, язг. *ǰāyek* «боящийся; страх» < **us-strāya-ka* [подробнее: 21, с. 308].

Обращение к индоевропейскому помогает уточнить этимологии и выявить семантическую приемственность слов даже в случаях совпадения их звучания в общеиранском с другими лексемами. Так, а) шугн. *wed-*, руш. *wid-*, барт. *wīd-*, сар. *wēyδ-*, ишк. *wed-* «класть, помещать», язг. *wid-* «бросать», ягн. *wid-*, афг. *wīštāl* и т. п.; б) шугн. *pidwid-* «засучивать (рукава, штаны)» и в) шугн. *parwid-* «забивать, заглушать (о сорняках)» фонетически должны возводиться к общеиранским корням типа **ǰaid-* с разными ступенями огласовки: а) **ai*; б), в) **i*, — однако, в древних иранских языках корни такого звучания имеют иные значения. При сопоставлении с индоевропейским получаем нужные прототипы: а) **ǰeidh-* «разъединять, отделять» [11, с. 1127]; б) **ǰeid-* «крутить, сгибать» [11, с. 1124]; в) **ǰei-* «идти; добиваться; быть сильным» [11, с. 1123] с расширителем **-d(h)-*.

Иногда удастся таким путем выявить в общеиранском основу, продол-

жающую известный индоевропейский корень с известным же распространителем, который, однако, с данным корнем не зафиксирован. Ср., например, шугн. *žiray-*, бдж. *žiraw-* «укусить, ужалить» < **gruša-* (руш. *žirand-*, язг. *γaran(d)-* продолжают инфиксальную **gru-n-s-*, ср. осн. прош. вр. шугн., руш. *žirušt*, язг. *γarošt* < **gruš-ta-*), **grauš-*, который может восходить к и.-е. основе **g^ur-eu-s-* «кусать» от корня **g^uer-* «глотать» (ср. зафиксированные образования от **g^ur-ēu-gh-*, **g^uā-gh-* «кусать» [11, с. 474, 485]) при возможной контаминации с **ghr-eu-s-* «растирать» от корня **gher-* (ср. зафиксированные образования от **ghrēu-*, **ghrau-* и **ghren-dh-* [11, с. 439, 459, 460]). Переход здесь и.-е. **s* > иран. **š* указывает на доиранское происхождение основы, аналогично шугн. *viray-*, руш., барт. *viraw-*, сар. *v(и)гəy-*, язг. *vəraw-* «ломаться, разбиваться» < **brauš-* из зафиксированного и.-е. **bhr-eu-s-* от корня **bher-* [11, с. 133, 171] (к последней этимологии см. [20, с. 46; ср. 4, с. 85]).

При установлении этимологий ряда иранских слов приходится также считаться с возможностью случаев ранней — индоевропейской контаминации основ с сходным звучанием или значением. Так, при наличии в индоевропейском корней **s^ker(d)-* «сасāге» [11, с. 947], ***ker-* [11, с. 573], ***kel-* [11, с. 547] «темный, серый; грязный» два последних, благодаря семантическому воздействию первого, дают сходные с ним значения (ср. русск. *кал*, др.-инд. *kalkā-*, ср.-в.-нем. *hor* и т. п.), что отразилось и в некоторых иранских языках, где иранский прототип **xard* < **kar-d* дает соответственно язг. *xūd-*, шугн., барт. *šarδ-*, руш. *širδ-* «сасāге», ср. исходное значение в шугн. *ašēr-* «клеветать, оговаривать» ← «грязнить» < ***ā-xār-aīa-* от корня **xar-* (к переходу **x* > *š* ср. шугн. *wiš-*, руш. *wiš-* «помешивать еду, чтобы не подгорела» ← «остужать» < **awi-ixa-*, ср. **aixa-* «холод; лед»).

Существенным для истории иранских языков оказывается и уточнение положений фонологической парадигматики и синтагматики индоевропейского. Например, если принять положение о возможности чередования в индоевропейских диалектах **k*/**ḱ* в позициях перед согласными с дентальной артикуляцией [30, с. 17—18] и распространить его на неслоговые варианты сонантов с дентальной артикуляцией **l*, **r*, мы можем связать индоевропейскую основу **ḱl-eu-* (распространение от корня **kel-*) «слышать; слава» — «взывать; пение; слово» [11, с. 605] с основой **kel-*, *k_(e)lē-*, *k_(e)lā-* «звать, кричать» [11, с. 548] в вариантах **ḱlā* || **klā-*. В таком случае вариант **ḱlā-* должен был отразиться в иран. корне **šrā(i)-* «громко вещать, кричать» ~ «слышать», к которому могут быть возведены как шугн., руш., барт. *šəy-*, сар. *šuy-* «читать, учиться», так и вах. *kšuy-* «слышать» (с вторичным *kš* < **ḱ* < **sr* [ср. 55], ср. аналогичное развитие **sr* в сак. *ksäv-* «кричать — о птицах», если возводить его к **šraq-* < **ḱleu-*, ане **xšai-* [ср. 56]). К семантическому развитию «звать, кричать» → «читать, учиться» ср. язг. *šay-* ~ ягн. *šoy-*, см. выше (об отражении шугн.-руш. *-əy-* в основах от корней на **-ā* см. [20, с. 53]; то же при поздних преобразованиях: шугн., руш. *riwōys-* ~ язг. *parway-* «голодать» < **fra-*, *pari-* с корнем **uā-*, ср. осет. *rwajyn* [3, II, с. 439]; шугн. *zinōys-* «поскользнуться» из иран. корня **snā-*; шугн. *kidōys-* «вытекать» из корня **tak-* с поздним растяжением **a* > **ā*).

Итак, обращение к доиранским уровням — общеарийскому и индоевропейскому — и к фактам иранских языков, слабо вовлекавшихся прежде в орбиту сравнительно-исторических исследований, помогает уточнить целый ряд характеристик промежуточных хронологических срезов, в частности, общеиранского. При этом выявляется относительная хронология основных инноваций (и могут быть определены центральные и маргинальные зоны для каждой из них), пополняются наши сведения об общеиранском лексическом фонде (об его инвентаре и семантике лексем). Вычлениаются также те инновационные черты, которые наблюдаются в истории большинства иранских языков, но не являются праязыковыми.

С другой стороны, такая процедура расширяет перспективы этимологической работы над теми иранскими языками, которые относительно слабо исследованы в историческом плане. И, наконец, можно надеяться, что систематическое использование материала иранских языков (в том числе и живых) в сравнительно-исторических исследованиях может оказаться полезным и для индоевропеистики в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Morgenstierne G.* An etymological vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.
2. *Morgenstierne G.* Indo-Iranian frontier languages. Oslo. V. I—1929, II—1938.
3. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.— Л., 1958; Т. II. Л., 1973; Т. III. Л., 1979.
4. *Morgenstierne G.* Etymological vocabulary of the Shughni group. Wiesbaden, 1974.
5. *Bartholomae Chr.* Vorgeschichte der iranischen Sprachen.— *Grundriss der iranischen Philologie*, Bd. I. Abt. 1. Strassburg, 1895—1901.
6. *Оранский И. М.* Введение.— В кн.: Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
7. *Meillet A.* Les dialectes indo-européens. Paris, 1922.
8. *Benveniste E.* Le système phonologique de l'iranien ancien.— *BSLP*, 1968, t. 63, fasc. 1, p. 64.
9. *Dishington J.* Old Iranian sibilants. A synchronic analysis.— *JAOS*, 1974, v. 94, № 4.
10. *Erhart A.* Zum IE. Wechsel *Media: Media aspirata*.— *Sborník prací filosofické fakulty Brněnské University*, 1956, ročn. V. Rady jazykovědné (A), č. 4.
11. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
12. *Meiße A.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.— Л., 1938.
13. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. В.* Реконструкция системы смычных общеиндоевропейского языка. Глоттализированные смычные в индоевропейском.— *ВЯ*, 1980, 4, с. 27.
14. *Morgenstierne G.* Languages of Nuristan and surrounding regions.— In: *Cultures of the Hindukuš*. Wiesbaden, 1974.
15. *Buddruss G.* Nochmals zur Stellung der Nūristān-Sprachen des afghanischen Hindu-kusch.— *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*, 1977, Hf. 36.
16. *Reichelt H.* Awestisches Elementarbuch. Heidelberg, 1909.
17. *Kent R.* Old Persian. New Haven, 1950.
18. *Соколов С. Н.* Язык Авесты.— В кн.: Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
19. *Боголюбов М. Н.* Персидские слова с XAR° и KAR° и рыба KARA в Авесте.— В кн.: Иранская филология: Кр. изложение докл. научн. конф., посвященной 60-летию проф. А. Н. Болдырева. М., 1969.
20. *Соколова В. С.* Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Л., 1967.
21. *Edelman D. J.* History of the consonant systems of the North-Pamir languages.— *IJL*, 1980, v. 22, № 4.
22. *Эдельман Д. И.* Основные вопросы лингвистической географии (на материале индоиранских языков). М., 1968.
23. Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. I. М., 1975, с. 47—48.
24. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1967, с. 212.
25. *Turner R. L.* A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages. Fasc. III. London, 1963, p. 188.
26. *Windfuhr G. L.* Some Avestan rules and their signs.— *JAOS*, 1972, v. 92, № 1, p. 52.
27. *Hoffmann K.* Altiranisch.— *Handbuch der Orientalistik*, 1958, Abt. I, Bd IV, Abschn. 1, S. 3.
28. *Барроу Т.* Санскрит. М., 1976, с. 72.
29. *Эдельман Д. И.* К типологии индоевропейских гуттуральных.— *ИАН СЛЯ*, 1973, № 6, с. 543—544.
30. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. В.* Проблема языков centum и satem и отражение «гуттуральных» в исторических индоевропейских диалектах.— *ВЯ*, 1980, 6.
31. *Morgenstierne G.* Indo-European *k* in Kafiri.— *NTS*, 1945, Bd. 13.
32. *Morgenstierne G.* Irano-Dardica. Wiesbaden, 1973.
33. *Collinder B.* Finno-Ugric vocabulary. An etymological dictionary of the Uralic languages. Stockholm, 1955, p. 129—141.
34. *Collinder B.* Comparative grammar of the Uralic languages. Stockholm, 1960, p. 51—61.
35. *Collinder B.* Survey of the Uralic languages. Stockholm, 1962, p. 551.
36. *Joki A. J.* Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen. Helsinki, 1973, S. 247—350.

37. *Morgenstierne G.* Munji žūt: Gothic *qiþiþ*.— NTS, 1934, Bd. 7.
38. Принципы описания языков мира. М., 1976.
39. Эдельман Д. И. К фонемному составу общепранского (о фонологическом статусе *xʷ).— ВЯ, 1977, 4.
40. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965, с. 8—9.
41. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. I. М.— Л., 1949, с. 24.
42. *Gauthiot R.* De l'accent d'intensité iranien.— MSL, 1916, t. XX, fasc. 1.
43. *Meillet A.* La déclinaison et l'accent d'intensité en perse.— JA, 1900, IX-e série, t. XV.
44. *Morgenstierne G.* Archaisms and innovations in Pashto morphology.— NTS, 1942, Bd. 12, p. 95—97.
45. *Henning W. B.* The disintegration of the Avestic studies.— TPhS — 1942. Amsterdam, 1968, p. 52—53.
46. Дыбо В. А. О рефлексах индоевропейского ударения в афганском.— В кн.: Актуальные вопросы прапистики и сравнительного индоевропейского языкознания: Тезисы докладов. М., 1970.
47. Дыбо В. А. О рефлексах индоевропейского ударения в индоиранских языках (в дардских и в йида).— В кн.: Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Предварительные материалы. М., 1972.
48. *Morgenstierne G.* Traces of Indo-European accentuation in Pashto? — NTS, 1973, Bd. 27.
49. Дыбо В. А. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской акцентологии.— В кн.: Балто-славянские исследования. М., 1974.
50. Стеблин-Каменский И. М. Историческая фонетика ваханского языка: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1971, с. 15.
51. Стеблин-Каменский И. М. Рефлексы индоевропейского ударения в ваханском.— В кн.: Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Предварительные материалы. М., 1972.
52. Ефимов В. А. О некоторых архаических чертах морфологической структуры презенса в ормури.— В кн.: Сопещение по общим вопросам диалектологии и истории языка: Тезисы докладов и сообщений. М., 1979.
53. Эдельман Д. И. К реконструкции общепранского ударения.— В кн.: Конференция Проблемы реконструкции: Тезисы докладов. М., 1978.
54. Эдельман Д. И. Об ударении в истории иранских языков.— В кн.: Фонология. Фонетика. Интнология: Материалы к XI Международному конгрессу фонетических наук (1979, Копенгаген). М., 1979.
55. Стеблин-Каменский И. М. Историческая фонетика ваханского языка: Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1971, с. 170.
56. *Emmerick R. E.* Saka grammatical studies. London, 1968, p. 25.